

все повествование, превращая историческое сочинение в публицистическое эссе. Наиболее рельефно эта особенность труда Сумарокова проявляется в развернутых комментариях, которыми он сопровождает характеристику правления царя Федора Алексеевича. С личностью этого царя отечественная историографическая традиция связывала представления об идеале мудрого, гуманного и справедливого правителя, и Сумароков полностью разделяет эту позицию. Но показательно, как похвалы Федору Алексеевичу перерастают у него в гневные инвективы против неназываемых по имени современных подражателей европейским модам и против хулителей отечественного прошлого. Царь Федор Алексеевич, подводит итог Сумароков, «был хранитель правосудия, любитель наук, покровитель бедных, решитель перепутанных тяжб (...) искоренитель местничества, вместо заслуг отечеству почитающих бесполезное роду человеческого свое родословие, облегчитель народных тягостей и уменьшитель дороговизны».²⁴ Завершая перечисление заслуг царя указанием на его любовь к красноречию, в украшение которого «цветами, из российского языка рожденными», он внес личный вклад, Сумароков внезапно резко меняет тон, обращаясь к нравам современников: «...ибо тогда язык наш еще не был нашпикован ни немецкими, ни французскими словами, а россияня во дни ево не старались ни в немцов, ни во французов претвориться, но исправиться, просветиться и быти достойными подлинниками, а не слабыми, смещенными и колеблемыми соображениями чужестранцам, собственными своими гнушаяся почтенными качествами».²⁵ И ниже Сумароков, не сдерживая уже своего темперамента публициста-сатирика, гневно клеймит неназываемых авторов исторических сочинений, и русских и иностранных, утверждавших об отсталости и варварском состоянии России до вступления на трон Петра I: «*Бредят люди, проповедывающие то, что мы до времен Петра Великого варвары, или паче скоты были; предки наши были не хуже нас: а сей последний Царь в нашей древности (царь Федор Алексеевич. — Ю. С.) был достойный брат Петру Великому. И не было другого россиянам превращения, как вопят новомодные невежи, наслышавсья от чужестранных, которым они сами о себе такую подлость натолковали, кроме сея, что сии сумасбродныя толкователи, превращенны стали, ибо они из человеков ненапудренных действительно в напудренную превратилися скотину*».²⁶ И далее Сумароков возвращается к прерванному рассказу о последствиях смерти царя Федора Алексеевича.

²⁴ Там же С 189

²⁵ Там же

²⁶ Там же С 190